

— Ты...

Голос Чжун Хэ дрожал, глаза покраснели. Вид у него был такой, словно Фу Шэнь не просто получил ранение, а уже одной ногой стоял в могиле. Фу Шэнь не сдержал гримасы, дернув уголком рта, и вздохнул:

— Благодарю за заботу, командующий Чжун. Это всего лишь травма ноги, ничего смертельного. Эй, Сяо Сюнь, быстро найди платок, вытри слезы командующему.

В молодости Чжун Хэ служил в армии Юаньчжоу и был знаком с Фу Тинчжуном и Фу Тинсином, так что, по сути, приходился Фу Шэню почти что старшим родственником. Однако после того, как Фу Шэнь принял командование Северными Железными Всадниками Янь и на долгие годы осел на Северной границе, их общение постепенно сошло на нет.

Но сейчас, видя его тяжелораненым и изможденным, Чжун Хэ вдруг забыл о статусах и званиях. Перед ним словно стоял тот самый юноша из армии, всегда следовавший за Фу Тинсином — озорной и сияющий. Подумав о том, что Фу Шэнь остался совсем один, без родителей, без жены и детей, без близкого человека рядом, и в столь юном возрасте стал неизлечимым калекой, он не сдержал нахлынувшей печали:

— Это мы, старики, оказались бессильны. Не смогли тогда удержать тебя от ухода на войну, и вот к чему это привело сегодня. Как я смогу смотреть в глаза твоему отцу и дяде, когда мы встретимся на девятом ярусе преисподней?

— Командующий Чжун, — Фу Шэнь, мучимый головной болью, прислонился к стенке кареты, — давайте не будем ворошить прошлое. Со мной всё в порядке, не нужно так горевать.

Он так и не смог заставить себя назвать его дядей. Чжун Хэ ощутил одновременно и горечь, и досаду на холодность юноши. Стемнело, и, поскольку Фу Шэню нужно было спешить в Столицу, они распрощались. Отряд элитных всадников Северного Янь сменил лошадей и помчался в сторону города, едва успев проскочить через ворота до их закрытия.

В последний раз Фу Шэнь был здесь три месяца назад. Столица ничуть не изменилась: те же яркие огни, та же шумная суета. Сопровождавшие его воины Армии Северного Янь редко бывали в Столице, поэтому постоянно вертели головами по сторонам. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Фу Шэнь подозвал Сяо Сюня:

— Сначала отвезите меня в особняк, а потом бери остальных и иди погуляй, расходы запишешь на мой счет. Только без борделей, азартных игр и неприятностей. Ступай.

Сяо Сюнь, не раздумывая, возразил:

— Как же так!

— Сказал — иди, — Фу Шэнь, похоже, совсем выбился из сил. Голос его стал тихим, но язык по-прежнему чесался, напрашиваясь на неприятности: — Если будешь и дальше крутиться у меня перед глазами, я лишусь доброго имени. Если из-за тебя не смогу найти себе жену, придется тебе самому приходить к моему ложу и исполнять сыновний долг.

Сяо Сюнь, не умевший переспорить этого наглеца, смущенно подчинился.

Карета катилась по ровным каменным мостовым. В этом районе располагались поместья знати, величественные и тихие. Особняк маркиза Цзиннина находился в северо-восточном углу. Старый слуга, присматривавший за домом, убрал порог, чтобы карета могла въехать во двор. Увидев, как подчиненные выносят хозяина на спине, слуги попрятались по углам, боясь подойти.

После того как Фу Шэнь получил титул хоу, он отделился от поместья герцога Ин и стал жить отдельно. Ему не было никакого дела до этого огромного дома. Слугами были в основном дряхлые старики и инвалиды, которых набрала мачеха, госпожа Цинь. Фу Шэнь редко бывал дома, поэтому сблизиться с ними не стремился. В те редкие моменты, когда он всё же заезжал, слуги, словно мыши, заведя кота, забивались в кухню или каморки и старались лишний раз не попадаться ему на глаза.

К счастью, хотя они и боялись его, работу свою выполняли исправно. Сяо Сюнь донес Фу Шэня до спальни, попросил слуг принести горячей воды, помог ему снять верхнюю одежду, обтереть лицо и руки и уложил в кровать. Как только всё было готово, Фу Шэнь выставил его за дверь:

— Ступайте по своим делам. Вечером велю оставить для вас калитку, ночуйте во флигелях, прошу прощения, что не могу принять достойно.

Принятая после обеда пилюля обладала сильным снотворным эффектом. Чтобы не подавать виду перед людьми Столичного гарнизона, Фу Шэнь терпел и не спал всю дорогу, но теперь силы оставили его. Едва Сяо Сюнь прикрыл дверь, как он тут же провалился в тяжелый, забывчивый сон.

Старый слуга некоторое время прислушивался под окном, и, как только изнутри донеслось ровное дыхание, на цыпочках побрел в сторону кухни — велеть повару приготовить легкой каши, чтобы она была готова к пробуждению хозяина.

Хотя отряд Фу Шэня был малочисленным, их приезд был официальным, поэтому новость быстро разлетелась по двору и знатым домам. В такой час гостей обычно не ждали, и слуга закрыл парадные ворота, оставив лишь калитку. Но не прошло и часа, как в ворота особняка маркиза Цзиннина кто-то застучал.

Привратник не решился медлить и бросился докладывать. Единственный способный хоть что-то решать старый слуга, волоча больную ногу, поспешил к выходу. Стоило ему открыть дверь, как он остолбенел: перед ним стояла группа всадников в черном, вооруженных мечами. У него перехватило дыхание:

— П-позвольте спросить, кто вы такие?..

Из толпы на своем коне выехал стройный мужчина и остановился в луче света, падающего из-за тени крыши. В тот же миг узоры облаков на его темно-синих одеждах заиграли, словно текучая вода, а на спине вышитый серебром небесный конь, казалось, вот-вот взлетит. Свет луны и фонарей выхватил его прекрасное лицо с тонкими губами и насмешливыми глазами.

— Почтенный, не бойтесь, — он вежливо кивнул. Его рука, державшая поводья, была бледной и тонкой, а из-под закатанного рукава халата выглядывал фрагмент железного наруча. — Я Янь Сяохань, посланник Фэйлунвэй. По приказу Его Величества я прибыл навестить маркиза Цзиннина и привез с собой лучших врачей. Будьте любезны, доложите.

Старый слуга не разбирался в рангах, но за десятилетия службы в поместье герцога Ин имя Янь Сяоханя стало для него до боли знакомым. В груди что-то екнуло, и он пробормотал:

— Это... мой хозяин проделал долгий путь, он ранен и только что уснул. Господа, может быть...

Фэйлунвэй славились своим беспределом, о чем знала вся Столица, и мало кто решался им перечить. Янь Сяохань свысока взглянул на сморщенного старика, и, не стирая улыбки с губ, протянул:

— Кажется, старик... вы очень боитесь, что я увижу вашего хозяина?

Он попал в точку.

Для людей из поместья герцога Ин и столичных чиновников это не было секретом. Янь Сяохань, генерал правого крыла армии Шэнь и посланник Фэйлунвэй, был самым влиятельным чиновником при дворе, а также верным псом императора, от которого все старались держаться подальше. Самое страшное было то, что они с Фу Шэнем были заклятыми врагами — их вечная грызня не прекращалась даже при императоре. В этом году, три месяца назад, на утреннем докладе они полчаса обменивались язвительными любезностями по поводу назначения надзирателей, чуть не подрались, из-за чего император в ярости разбил чернильницу, лишил их жалованья на полгода и поскорее отправил Фу Шэня на Северную границу.

Теперь Фу Шэнь вернулся в Столицу в таком жалком состоянии, а Янь Сяохань всё еще при власти. Если он решит отомстить, как выдержит это их хозяин?

Старый слуга испуганно склонил голову:

— Мы не смеем. Просто мой хозяин не вынесет беспокойства... Прошу вас, господин, проявите милосердие.

Пока они говорили, Янь Сяохань окинул взглядом особняк. Двор был чист, но пустынен, видно было, что слуги старались, но жизни здесь не чувствовалось. Он едва заметно вздохнул и уступил:

— Я пришел не для того, чтобы создавать ему проблемы... Ладно, не докладывай. Я просто взгляну на него и уйду.

Старый слуга понял, что сопротивление бесполезно, и, вздыхая, пошел вперед с фонарем. Янь Сяохань оставил остальных воинов Фэйлунвэй во внешнем дворе и взял с собой лишь одного худощавого молодого человека, похожего на книжника.

Особняк был огромен и пуст. Несколько деревьев в саду усыпали ступени опавшими листьями, словно вся осенняя скорбь Столицы собралась здесь. Было темно, лишь в окнах центральных покоев мерцал тусклый желтый свет, отчего дом казался еще более неудобным.

Янь Сяохань держался, а вот молодой человек рядом с ним всё качал головой и шепотом спрашивал:

— Маркиз Цзиннин — человек такого происхождения, с такими заслугами, как же так получилось, что его дом...

Старый слуга сочувственно запричитал:

— Хозяин постоянно на границе, по три-пять лет дома не бывает. А в доме нет ни добродетельной хозяйки, никого, кто мог бы взять хозяйство в свои руки. Остались только мы, старые и немощные, не способные облегчить его ношу...

Он продолжал болтать, открывая дверь в главную залу, приглашая гостей присесть и подавая чай:

— Подождите здесь, я пойду доложу маркизу.

Не успел он договорить, как из внутренней комнаты донесся глухой стук — будто что-то упало с высоты. У слуги задрожали руки, и прежде чем он успел отреагировать, посланник Фэйлунвэй, стоявший рядом, исчез в дверях внутренней комнаты, словно порыв ветра.

Фу Шэнь спал беспокойно. У лекарства было множество побочных эффектов: сердцебиение, кошмары, одышка... В полудреме ему казалось, что на грудь легла огромная каменная плита, не давая пошевелиться, а в голове стоит туман — состояние, которое в народе называют «призраком, придавившим к постели».

Сознание Фу Шэня было довольно ясным. Он молча замедлил дыхание, пытаясь моргнуть, и, как только контроль вернулся к конечностям, оперся на кровать, собираясь сесть.

Но он забыл, что его нога действительно искалечена и ниже колена он ее не чувствует. Он напряг руки и поясницу, но, потеряв равновесие, кубарем скатился с кровати.

Кровать была невысокой, но у ее основания стояла подножка. При падении Фу Шэнь ударился животом о край, а затем плашмя рухнул на холодные плитки пола, больно ударившись затылком. Перед глазами потемнело, а в ушах зазвенело.

Но не успел он ощутить тупую боль, как дверь спальни распахнулась, и кто-то ворвался в комнату, подхватывая его на руки. Одежда этого человека была пропитана ночной осенней прохладой, но ладони оказались обжигающе теплыми.

Фу Шэня держали на руках, его голова покоилась на груди незнакомца, лицо прижалось к темно-синему шелку чиновничьего халата. Ткань была мягкой и гладкой, от ворота исходил привычный аромат сандала. Человек казался очень знакомым, но из-за такой близости вдруг стал чужим.

Горячее дыхание Фу Шэня пропитало тонкую ткань, отчего человек, державший его, внезапно напрягся. Вскоре Фу Шэня уложили обратно, а чья-то рука, немного жестковатая, легла на лоб:

— Почему дыхание такое горячее? У тебя жар?

Зрение начало проясняться, боль стала острее, и Фу Шэнь узнал его. Первым же движением он попытался оттолкнуть эту руку:

— Зачем ты пришел?

Старый слуга и молодой человек из Фэйлунвэй, только что вбежавшие в комнату, услышали этот ледяной вопрос и замерли. В голове пронеслось: «Слухи не лгут, оба они — те еще подарочки».

Янь Сяохань зажмурился, стараясь не выходить из себя, и сухо ответил:

— У тебя жар, выпей воды. Я велел осмотреть тебя и выписать лекарство.

Фу Шэнь закрыл глаза и холодно произнес:

— Не утруждайте себя. Господин Янь, что привело вас в мой скромный дом глубокой ночью?

Янь Сяохань подошел к столу, поднял чайник и налил в чашку остывший чай. Лицо его помрачнело, он взглянул на слугу:

— Вы так прислуживаете хозяину?

Фу Шэнь проворчал:

— Опять ты за свое...

Янь Сяохань не унимался:

— Золотое тело маркиза, как вы можете быть столь небрежны? Если подобное повторится, не вините меня в том, что я доложу Его Величеству и вас накажут.

Пальцы Фу Шэня, лежавшие на постели, едва заметно дрогнули.

Слуга, напуганный до полусмерти, поспешил на колени просить о пощаде. Фу Шэнь, утомленный этой сценой, наконец сказал:

— Хватит. Благодарю господина Яня за то, что навели порядок среди моих слуг.

В голосе слышалась ирония, но Янь Сяохань, как ни в чем не бывало, ледяным тоном бросил: «Принесите горячей воды», — только после этого позволив слугам уйти.

В комнате осталось трое. Янь Сяохань стоял у кровати, глядя на него. Свет лампы был тусклым, большая часть лица Фу Шэня тонула в тени, подчеркивая острые черты. Он выглядел изможденным, но при этом — пугающе прекрасным.

Янь Сяохань усмехнулся с фальшивой искренностью:

— Маркиз дорог сердцу императора, Его Величество услышал о вашем возвращении и велел мне привезти лекаря, чтобы осмотреть вас.

Фу Шэнь полуприкрыл глаза и вяло отозвался:

— Поблагодарите Его Величество за заботу. Возвращайтесь и доложите, что со мной всё в порядке, лекарь Армии Северного Яня уже осмотрел меня, нет нужды беспокоить дворцовых врачей.

В столице ходили слухи, что маркиз Цзиннин упрям и не идет на компромиссы — теперь он убедился, что это правда.

Сопровождавший его лекарь Шэнь Ицэ шагнул вперед, намереваясь по долгу службы уговорить этого упрямого генерала. Но Янь Сяохань поднял руку, останавливая его. Взгляд, который он

при этом бросил на лекаря, был полон такой досады, словно он пытался укротить дикого зверя.

— Его Величество беспокоится о вашем ранении, и мы пришли лишь для того, чтобы он мог быть спокоен, — Янь Сяохань прямо посмотрел в глаза Фу Шэня. — Раз уж вы доверяете лекарю Армии Северного Янь, значит, он мастер своего дела. Я не сомневаюсь в его диагнозе, но рана очень серьезная, и осмотр у нескольких врачей никому еще не повредил, не находите?

Фу Шэнь поднял веки и встретился с ним взглядом.

Янь Сяохань почувствовал, как внутри всё похолодело от этого ледяного, как сталь, взгляда. Ему показалось, что Фу Шэнь смотрит сквозь него, глядя на кого-то другого.

Через мгновение Фу Шэнь опустил взгляд, небрежно собрал растрепанные волосы и, обессиленно протянув руку, дал понять, что хочет сесть:

— Раз уж вы здесь... приступайте.

Фу Шэнь действительно сильно лихорадил, к тому же падение прибавило боли. Он не был изнеженным, но Янь Сяохань, насмотревшись на хрупких столичных чиновников, подсознательно видел в нем фарфоровую вазу.

Он помог Фу Шэню сесть, сам сел на край кровати, и, боясь, что спинка кровати будет давить на раны, подложил руку ему за спину, слегка придерживая плечо. Из-за движения волосы Фу Шэня снова рассыпались, и Янь Сяохань убрал их за ухо. В результате Фу Шэнь почти всем телом привалился к нему — маркизу, видимо, показалось, что эта опора мягче кровати, и, не заботясь о том, насколько «отвратителен» Янь Сяохань, он устроился поудобнее.

Для «заклятых врагов» такая поза выглядела слишком интимной. К счастью, Шэнь Ицэ был поглощен лишь состоянием пациента и не заметил, как его грозный начальник заботливо укутал Фу Шэня одеялом. Маркиз же, почувствовав тепло, расслабился и полностью переложил свой вес на Янь Сяоханя.

— Раны заживают хорошо, жар вызван простудой. Из-за общего истощения организм ослаблен, необходимо беречься от холода, избегать острой и холодной пищи. В спальне не должно быть сыро, осень становится холоднее, стоит заранее озаботиться жаровнями... Самое страшное — повреждение коленных чашечек и сухожилий. Прошу прощения, маркиз, но на восстановление уйдет от трех до пяти лет, и то... вряд ли вы сможете ходить так же, как раньше.

Шэнь Ицэ опустил штанину Фу Шэня и убрал подушечку для пульса:

— Я напишу рецепт от простуды. Что касается ноги — продолжайте следовать методам военных врачей, а я посоветуюсь с коллегами из Императорской академии, возможно, найдем решение лучше.

Фу Шэнь внезапно шумно вдохнул:

— Ссс... полегче!

Шэнь Ицэ:

— Слушаю?

— Это не вам, — Фу Шэнь размял плечо, которое Янь Сяохань сжимал так, что аж сводило мышцы, и вежливо добавил: — Господин Шэнь, благодарю за заботу.

— Не стоит благодарности, — Шэнь Ицэ отвернулся. — Моего мастерства не хватило, чтобы облегчить страдания маркиза, мне совестно.

Фу Шэнь:

— Пустяки. Я сам знаю, в каком состоянии мои раны. Делаю, что могу, остальное — воля Небес.

Янь Сяохань помог ему лечь обратно. Его лицо оставалось непроницаемым — он был мастером носить маску мягкости, и никто бы не догадался, что именно он только что довел генерала до боли.

— Отдайте рецепт слугам, пусть готовят отвар. Если чего-то нет — купите, а если не найдете — берите из моего поместья.

Шэнь Ицэ поклонился и вышел.

В комнате остались только они двое. Янь Сяохань придвинул стул и сел подальше:

— Твоя нога?..

— Я же сказал, всё как обычно, — Фу Шэнь протянул руку. — Налей воды.

Янь Сяохань нахмурился:

— Она холодная.

— Мне всё равно, не помирать же от жажды, — отрезал Фу Шэнь. — Точно так же, даже со сломанной ногой нужно жить дальше. Мне что, теперь удавиться из-за этого?

Янь Сяохань промолчал, вылил остатки чая и налил свежего:

— Его Величество беспокоится и приказал мне убедиться в тяжести твоих ран.

Фу Шэнь:

— Тогда Его Величество может быть спокоен.

Янь Сяохань дерзко ответил:

— Сомневаюсь. Ты же всё ещё дышишь.

Фу Шэнь посмотрел на него так, словно хотел сказать: «Ты опять за свое».

— Мне всё ещё кажется, что это всё не по-настоящему, — сказал Янь Сяохань. — Ты правда не подготовил запасной план или не пустил дезинформацию?

Фу Шэнь спросил в ответ:

— Почему ты так думаешь?

Янь Сяохань:

— Потому что у тебя слишком умное лицо. На вид ты не должен делать таких глупостей.

— Это правда, — Фу Шэнь покачал головой. — От открытого меча легко увернуться, а вот скрытую стрелу не предвидишь. Ты думал, что я не попадусь, но разве это не значит, что ты считал меня слишком неуязвимым?

Янь Сяохань не ожидал от него такой низкой самооценки и на мгновение опешил.

Служба с юных лет, великие победы — само существование Фу Шэня словно было создано для того, чтобы разрушать невозможное. Фу Шэнь и Северные Железные Всадники в сердцах многих стали непобедимой легендой. Этот образ был настолько силен, что даже у Янь Сяоханя возникла иллюзия.

Но ведь он — всего лишь обычный человек. У него нет трех голов и шести рук, тело его из плоти и крови, и оно не способно выдержать удар огромного камня, упавшего с неба.

— По дороге в Столицу я разговорился с людьми в чайной, они напевали песенку: «Фу Шэнь на

границе, в Столице мы спим спокойно», — вздохнул Фу Шэнь. — Смешно, правда? Семь-восемь лет я провел на Севере, думал, что совершаю подвиги, защищаю границы, и был настолько самонадеян, что забыл, кто я такой. А в итоге понял, что не только не давал спать врагам, но и даже «тому человеку» тоже мешал спокойно почивать...

Янь Сяохань произнес:

— Раз ты всё понял, почему бы просто не сдать командование и не уйти на покой? Быть беззаботным богачом куда лучше, чем воевать или плести интриги в Столице, не находишь?

— Брось, — усмехнулся Фу Шэнь. — Мы что, только вчера познакомились? Господин Янь, я думал, мы достаточно близки, чтобы не нести такую чушь.

Он тихо добавил:

— Дун Да не оставили своих надежд, народ Чже ждет удобного момента, а при дворе все ослеплены этим десятилетием мира. Если я уйду сейчас, кто примет Северных Железных Всадников? Кто еще захочет тратить силы на оборону границ? Когда враг подойдет к стенам, пострадают ни в чем не повинные люди...

— И какое тебе до этого дело?

Фу Шэнь резко поднял взгляд.

Янь Сяохань холодно произнес:

— Император боится тебя, придворные завидуют, а те глупцы только и умеют, что болтать. Ты дошел до такой жизни — разве кто-то вспомнил о твоих заслугах? У тебя самого почти не осталось места под солнцем, а ты еще печешься о судьбах мира. Не кажется ли это иронией, генерал Фу?

<http://bllate.org/book/24189/2797607>